

Б О Г О С Л О В И Е

К У Л Ь Т У Р А

О Б Р А З О В А Н И Е

Страницы

19:4

2015

25 ЛЕТ

Страницы

БОГОСЛОВИЕ
КУЛЬТУРА
ОБРАЗОВАНИЕ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
А. Э. Бодров (гл. ред.),
священник Михаил Евдокимов,
архимандрит Августин
(Никитин),
Джордж Пэттисон,
Кристер Саирсингх,
И. К. Языкова (зам. гл. ред.)

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР:
И. А. Гусева
МАКЕТ: А. Ю. Бизяев
ВЕРСТКА: Т. А. Дурнова

Подписаться на журнал
и заказать предыдущие выпуски
(за 1996–2013 гг.) можно
в редакции.

Журнал зарегистрирован
в Комитете РФ
по печати под № 015232

*Мнения авторов могут
не совпадать с точкой зрения
редакционной коллегии.*

*Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.
Для перепечатки необходимо
письменное разрешение издателя.*

ISSN 1562-1421

© Библейско-богословский
институт
св. апостола Андрея, 2015

www.standrews.ru

БИБЛЕИСТИКА

- 483 *Иннокентий Павлов*
**К изучению раннего христианства
в XXI веке**

БОГОСЛОВИЕ

- 495 *Юрген Мольтман*
Тринитарный опыт Духа

ФИЛОСОФИЯ

- 513 *Рене Жирар*
**Жертвенный механизм: основа
религиозного**
- 535 *Наталья Бонецкая*
Лев Шестов. Богословие Абсурда

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЦЕРКВИ

- 559 *Борис Кнорре*
**«Богословие войны» в постсоветском
русском православии**
- 579 *Ирина Языкова*
**Служение примирения.
Тройная годовщина Тэзе**

ДИАЛОГ

- 585 *Эдвард Кесслер*
**Еврейский отклик на *Nostra Aetate*
полвека спустя: размышления
европейского еврейского богослова**

ТЕОРИЯ РЕЛИГИИ

- 603 *Катя Толстая, Франк Бестебрёуртзе*
**Репозиционирование «опыта» как
категории в религиоведении:
к постановке проблемы**

IN MEMORIAM

- 628 **Памяти Рене Жирара**

632 ХРОНИКА

634 SUMMARIES

636 ОБ АВТОРАХ

CONTENTS: 19:4 (2015); PAGES 481–640

BIBLICAL STUDIES

- 483 *Innokenty Pavlov*
Early Christian Studies in the 21 Century

THEOLOGY

- 495 *Jürgen Moltmann*
Trinitarian Experience of the Spirit

PHILOSOPHY

- 513 *René Girard*
The Sacrificial Mechanism: The Basis of the Religious
- 535 *Natalia Bonetskaja*
Lev Shestov. The Theology of the Absurd

PROBLEMS OF THE MODERN CHURCH

- 559 *Boris Knorre*
«The Theology of War» in the Post-Soviet Russian Orthodoxy
- 579 *Irina Yazykova*
Peacemaking Ministry. Taizé: A Triple Anniversary

DIALOGUE

- 585 *Edward Kessler*
A Jewish Response to *Nostra Aetate* 50 Years on: Reflections
of a European Jewish Theologian

THEORY OF RELIGION

- 603 *Katya Tolstaya, Frank Bestebreurtje*
Reconsideration of «Experience» as a Category in Religious Studies:
Some New Approaches

IN MEMORIAM

- 628 **René Girard**

632 CHRONICLE

634 SUMMARIES

636 CONTRIBUTORS

Please send your inquiries and subscription requests to:
St. Andrew's Biblical Theological Institute
Jerusalem St, 3, Moscow, 109316 Russia
Tel/Fax: +7 495 6702200, 6707644, E-mail: standrews@standrews.ru
www.standrews.ru

Иннокентий Павлов
**К изучению раннего христианства
в XXI веке**

Автор рассказывает об эволюции, которую он проделал за годы преподавания в ББИ от просвещенного охранительства в деле библейских новозаветных изучений, яркими представителями которого для него явились прот. Александр Мень и проф. Джеймс Данн, до последовательно научного (историко-критического) подхода к ранним христианским источникам, оцениваемым, прежде всего, исходя из критерия исторической обусловленности. С этой позиции им теперь и ставятся задачи изучения раннего христианства (30–150-х гг.) в текущем столетии.

Юрген Мольтман
Тринитарный опыт Духа

Глава из книги «Дух жизни. Целостная пневматология» известного немецкого богослова, где он исследует христианский опыт Бога в Новом Завете и далее в истории, а также богословское осмысление этого опыта и то, как он структурируется прежде всего в кристологии и тринитарном учении.

Рене Жирап
**Жертвенный механизм: основа
религиозного**

Глава из книги «Вещи, сокрытые от начала мира» крупнейшего французского философа и культуролога, в которой он в диалоге с двумя психиатрами (Ж.-М. Угурляном и Г. Лефором) с полемической смелостью затрагивает круг во-

просов, касающихся современной антропологии, психоанализа и развития культуры. В центре его рассмотрения – вопрос о жертве.

Наталья Бонецкая
Лев Шестов. Богословие Абсурда

В статье (являющейся продолжением исследования «Лев Шестов: богословие “великой и последней борьбы”», с. 387-409) обосновано, что Л. Шестов создает образ Бога как «произвола», «абсурда», стоящего над разумом. Бессодержательность, безымянность «Бога» приватной религии Л. Шестова замыкает религиозного субъекта в имманентной области. Человек, согласно развитию мысли Л. Шестова, берет на себя функции Творца, выступая в роли сверхчеловека Ницше. Богоискательство Л. Шестова, таким образом, остается в кругу ницшеанских представлений.

Борис Кнорре
**«Богословие войны»
в постсоветском российском
православии**

В статье рассмотрены богословские основания и предпосылки милитаристского дискурса в современном российском православии, а также их преломление в современной церковно-политической мысли. Внимание сфокусировано на тех богословских категориях и представлениях церковной культуры, которые способствуют распространению среди священнослужителей мировоззренческой установки описывать жизнь общества сквозь образы войны, перенося спиритуалистические представления о

духовной брани в социальную плоскость. Представлены подходы к оправданию войны как с прагматических позиций, трактующих войну как неизбежное зло в «греховном мире», так и с позиций «духовной пользы»: война — как феномен, имеющий «аскетическую» ценность, как фактор противостояния эвдемонистской культуре, гедонизму и потребительству.

Ирина Языкова
Служение примирения.
Тройная годовщина Тэзе

В этом году французский экуменический монастырь Тэзе отмечает тройную дату: 75 лет основания, 100 лет со дня рождения и 10 лет трагической кончины брата Роже Шютца, основателя общины. В статье рассказывается об истории и современной жизни Тэзе и его значении для современного христианства.

Эдвард Кесслер
Еврейский отклик на *Nostra Aetate*
полвека спустя: размышления
европейского еврейского богослова

Декларация *Nostra Aetate* позволила перейти от осуждения иудаизма к осуждению антииудаизма, а последующие заявления Ватикана положили конец и официальной

миссии к евреям. Проблемные вопросы остаются (государство Израиль и христианское учение о Боговоплощении), но за последние десятилетия наметились перспективы их разрешения. Появились и встречные еврейские документы, заявляющие новую и открытую позицию в отношении христианства.

Катя Толстая,
Франк Бестебрёуртье
Репозиционирование «опыта»
как категории в религиоведении:
к постановке проблемы

В гуманитарных науках встречаются тексты, в которых происходит смешение философских категорий онтики, онтологии, эпистемологии и герменевтики. Подобные смешения категорий особенно проблематичны, когда речь идет о религиозном опыте, так как, в крайнем случае, они могут приводить к ошибочному восприятию текста и ошибочному атрибутированию самого опыта (смешение рецензента и исследователя). Авторы статьи предлагают методологию, которая помогла бы не смешивать различные категории и разрешить ряд методологических проблем, связанных особенно с вопросами, затрагивающими религиозный опыт.

Борис Кнорре «Богословие войны» в постсоветском российском православии*

Представляется, что молитвы церкви о мире, миротворчество как одна из важнейших функций церкви – достаточно общеизвестный факт. Во время богослужения в наших храмах мы неоднократно слышим прошения «о мире всего мира», «об избавлении от междоусобных брани», произносятся слова «мир всем!», верующие призываются внимать службе в состоянии мира («миром Господу помолимся»). То есть богослужение наполнено словами «мир» и прошениями у Бога этого мира. Есть и особые молитвы о мире, которые церковь предлагает читать в условиях того или иного конфликта и вражды. Стремление к миру заложено на уровне новозаветных текстов, где о мире не раз говорится как о бесценном даре.

Как эта миротворческая доминанта в церковной традиции сочетается с достаточно частыми заявлениями священников нашей Русской православной церкви в пользу тех или иных военных действий, со случаями освящения оружия, в том числе и массового поражения? Откуда популярность в православной среде молодежных организаций с военно-образовательным уклоном? Как понять имеющую место постепенную реабилитацию силовых методов решения конфликтов в глазах православных верующих? Насколько системными и последовательными являются милитаристские интенции в российской постсоветской церковной среде, что это случайность, имеющая какие-то ситуационные причины или явление системного характера?

Не претендуя на исчерпывающий ответ на данные вопросы, мы попробуем рассмотреть теоретические предпосылки милитаристского дискурса в современном российском православии, преломление этого дискурса в современной церковно-политической

* В настоящей работе задействованы результаты, полученные в рамках исследования “Этико-поведенческие предпочтения в православных субкультурах современной России: между ‘empowerment’ и ‘oppressiveness’”, поддержанного Научным фондом НИУ ВШЭ в 2013–2014 гг., проект № 12-01-0233.

мысли и возможность реализации проговоренных в его рамках идей в условиях политической турбулентности.

Внимание в данной статье сфокусировано на особенностях церковной культуры, которые связаны с восприятием окружающего мира сквозь символические образы войны или космической «священной битвы». Проиллюстрированы новые для церковного богословия формулы, предложенные со стороны идеологов «политического православия». В статье показано также, насколько спиритуалистические представления о «духовной брани», о «невидимых врагах» в духовном мире могут проецироваться на реальный мир, приводя к появлению персонифицированных форм зла и, соответственно, укрепляя «оборонно-охранительное сознание» в церковной среде и за ее пределами. Приведены конкретные примеры военно-апокалиптических проекций на социальную плоскость, и более того, иллюстрации того, как «богословие войны» может способствовать реальным, отнюдь не виртуальным военным конфликтам.

ОТ ПОНЯТИЯ НЕВИДИМОЙ «ДУХОВНОЙ БРАНИ» – К ВОЙНЕ В СОЦИАЛЬНОЙ ПЛОСКОСТИ

Воинская символика, образный мир войны – архетипичен для человечества в целом, а не только для каких-либо отдельных культур. Христианство здесь не исключение. Не секрет, что не только православная, но и в целом христианская образная система, описывающая отношения церкви с миром, не лишена «военного оттенка». Символы из военного лексикона активно используются в церковной аскетике. Церковное мировидение фактически основано на представлении о непрекращающейся духовной борьбе между силами добра и силами зла, что отражено в понятии «воинствующая», прилагающимся к характеристике «земной», «видимой» церкви, или в понятии «воин Христов», прилагающимся к христианам. Заметим, что в русскую церковную традицию, однако, внесены дополнительные коннотации, усиливающие или акцентирующие воинские характеристики. Например, эпитет «воинствующая» является результатом перевода латинского слова *peregrina* (дословно «странствующая»), которое употребляет блж. Августин Гиппонский в «Беседе 1. О том, что Христос в Писании изображается неодинаково. Против ариан»¹.

¹ «...Церковь земная, воинствующая (*peregrina*), присоединяется к той небесной Церкви, где мы имеем своими согражданами ангелов, с коими непостоянно, как раньше, соединимся по воскресении тела, согласно обетованию, что сподобившиеся достигнуть того века и воскресения из мертвых, будут равны ангелам (Лк 20:36), и будет единая Церковь, царство Великого Царя», см.: Августин

«Христос Воскресе! Огони!»

Фото Анны Волковой, *РИА Новости*.

<https://lenta.ru/articles/2015/10/19/knorre/>

То есть русский перевод искажает первоначальный смысл августиновского определения церкви на земле, внося иное значение в ее характеристику, соответствующее не термину в оригинале, а тому богословскому контексту, который такой перевод желает высветить². Коль скоро наше исследование сосредоточено на современности, мы не будем углубляться в историю вхождения в российский церковный словарь общеупотребительных клише из военного лексикона, но так или иначе нельзя не признать, что характеристика «воинствующая» так или иначе возникает не случайно. Она вписывается в церковный контекст, так как жизнь христианина рассматривается как перманентная «духовная брань», а Христос предстает как Возглавитель этой борьбы со злом: «... Ему надлежит царствовать, доколе низложит всех врагов под ноги Свои» (1 Кор 15:25). Причем человечество обречено вести с «миром зла» войну до самого конца земного мира. Более того, человеческая история, согласно Священному Писанию, увенчается какой-то особо масштабной битвой, когда «апокалиптическому зверю» дано будет «вести войну со святыми и победить их» (Откр 13:7). Никто из людей от этой войны не освобожден, своеобразие «воинская обязанность» распространяется на всех,

блж., «Беседа 1. О том, что Христос в Писании изображается неодинаково. Против ариан», *PROFILIB*, (<http://profilib.com/chtenie/107574/avgustin-blazhennyi-sochineniya-199.php>).

² См. подробнее: О Давыденков, прот., *Догматическое богословие: курс лекций*, ч. 3, М.: ПСТБИ, 1997. (http://azbyka.ru/otechnik/Oleg_Davydenkov/dogmaticeskoe-bogoslovie/11_1_2, см.: раздел 1.2. *Понятие о Церкви Христовой*).

вне зависимости от пола и преклонности возраста, то есть для каждого человека война имеет также индивидуальное измерение.

Однако эта война, согласно христианской догматике, зафиксированной в Священном Писании, должна быть направлена не против видимого мира, хоть он и лежит во зле, а против врагов «невидимых», то есть воинственность имеет духовное измерение. «Наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф 6:12).

Если обращаться к творениям святых отцов и к традиции русской православной церковной аскетике, то мы найдем массу таких концептов, выражений, категорий, которые говорят именно о духовной брани. Одна из важнейших православных книг по аскетике (испытывая, однако, католическое влияние) называется «Невидимая брань» Никодима Святогорца. В ней можно найти такие подзаголовки: «Как воину Христову следует утром устроить себя на брань», «Что делать, когда бываем уранены на брани», «Какого порядка держится диавол в ведении брани духовной со всеми и как прельщает людей разных состояний нравственных».

Вся «духовная война» подразумевает борьбу со страстями, ориентирована на духовный мир. Но возникает вот вопрос, всегда ли представление о войне в сознании православных верующих ограничивается лишь духовным («невидимым») миром? Осмелимся предположить, что нет, не всегда. Представление о перманентной ведущейся войне в невидимом мире позволяет иногда расценивать и земные конфликты как отражение брани небесной. Например, даже в ОСК РПЦ написано, что «земные войны суть отражение брани небесной, будучи порождены гордыней и противлением воле Божией»³. То есть делается оговорка, что «земные войны» могут рассматриваться как проекция некоей, более значительной «битвы», имеющей первичный характер, а человек становится соучастником этой битвы из-за своей поврежденности грехом.

Однако в большинстве церковных текстов, оценивающих современность, отношение к земной проекции «небесных войн» более сложное. Если смотреть на войну в соответствии с идеей «небесной битвы», то земные войны не являются таким уж однозначным злом. Если есть земная война соотносится не только с земной, но и с небесной ареной действий, в которой участвуют как «силы зла», так и «силы света», то проекция этой битвы на земле подразумевает, что часть участников вовлечены в «войну» отнюдь не из-за их собственной «поврежденности грехом», а необходимостью защиты против «сил тьмы».

³ «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», *Patriarchia. Ru*. 12.09.2005, (<http://www.patriarchia.ru/db/text/141422>).

Такое представление соотносимо с концепцией «космической войны» антрополога Марка Юргенсмейера, согласно которому в рамках религиозного восприятия земные военные конфликты воспринимаются как грани более фундаментального противостояния, происходящего за пределами «видимого мира», то есть «небесной», «священной» войны между порядком и хаосом, идущей в потустороннем мире⁴. Соответственно и земные войны, будучи отражением «небесной священной битвы», тоже обретают ореол «священной»⁵.

То есть имеет место экстериоризация, перенос представлений о «духовной войне» на мир внешний, персонализация враждебных «невидимых сил», путем определения их в лице каких-либо реальных носителей на земле. Такому переносу способствует свойственное православию охранительство, социо-культурная установка, заключающаяся, по мнению прот. А. Шмемана, в том, что церковь позиционирует себя как своего рода крепость, призванную «охранять, оберегать не только от “зла”, но и от мира как такового, от современности»⁶. Эта охранительская установка очень часто перерастает в причудливые гипертрофированные формы. Одной из них может быть тотальное недоверие, вернее сказать подозрительность по отношению к каким бы то ни было проявлениям современности, а в более примитивизированном варианте охранительство оформляется в мистифицированное представление о современности в целом, как области, управляемой враждебным Христу «князем мира сего» (Ин 12:31; Ин 14:30). Причем эта современность, «мир, лежащий во зле» (1 Ин 5:19) воспринимается отнюдь не чем-то пассивным, а пытающимся активно вторгнуться во что бы то ни было, в том числе и в социальное, и в культурное пространство церкви. Таким образом понятие «церковь воинствующая» получает не только спиритуалистическую, но и прямую социальную интерпретацию — церковь как социум, с которым борется весь остальной мир.

В качестве варианта этой перенесенной на социум борьбы, например, приводят такое понятие, как «информационная война против церкви». Она также воспринимается не иначе как отражение «небесной» метафизической битвы между силами добра и силами зла. Например, по словам священника РПЦ Алексея Мороза, «это война за перекодирование русских людей в совершенно иной,

⁴ M. Juergensmeyer, *Sacrifice and Cosmic War. Violence and the Sacred in the Modern World*, ed. by M. L. Juergensmeyer, Frank Cass, 1992, p. 112.

⁵ См. подробнее о специфике оправдания насилия как легитимного явления в российском православии: А.И. Зыгмонт, «Проблематика насилия в Русской православной церкви в постсоветский период», *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, 2014, № 3, с.117-145.

⁶ А. Шмеман, *Дневники 1973 – 1983*, М.: Русский путь, 2005, с. 326.

чуждый для них потребительский код, чуждый русскому человеку, безрелигиозный, оккультного характера, исполненный гедонизма, направленный на потребление, эгоизм и удовольствие»⁷.

В постсоветском православии есть и более конкретизированные и детально расписанные примеры переноса «небесной битвы» на земную плоскость и соответственно концепции сакральной реинтерпретации земных противостояний в апокалиптическом ключе. Причем эти концепции не всегда апеллируют к каким-либо уже свершившимся событиям, а формулируют неизбежность военных противостояний *in advance*, того, что неизбежно должно произойти, например, в условиях геополитики, которой также придается «сакральное измерение». Ряд теоретиков «политического православия» обосновывают необходимость возможных военных действий в связи с концепцией «России – Катехона», то есть России как того самого «удерживающего» мир от действия тайны беззакония, о котором говорится в послании ап. Павла к Фессалоникийцам «не откроется тайна беззакония, дондеже не будет взят удерживающий теперь» (Фес 2:7). Так, идеолог «политического православия» (взятом в его наиболее военизированном варианте) Егор Холмогоров предложил последовательную концепцию военно-политического противостояния на земле в преддверии «конца времен», написав статью с соответствующим названием – «Религии последнего времени». По его словам, «деятельность по достижению людьми Царствия Небесного», нуждается в «силовом прикрытии», роль России как «Катехона» состоит в том, чтобы сдерживать «тайну беззакония» военными средствами. В порядке формулирования «военного богословия» Холмогоров предлагает такое понятие, как «армия апокалипсиса». По его словам, православие, которое сегодня неизбежно должно стать политической религией, выступает как бы боевым знаменем, под которым собираются люди, «чтобы идти в последнюю битву»⁸.

Идею «последней битвы» подхватывает священник-шоумен Иван Охлобыстин. Презентуя осенью 2011 года свой идеологический манифест под названием «Доктрина-77», он наполнил свою речь словосочетаниями и клише из военно-эсхатологического лексикона: «наступает время последних приготовлений», «последняя битва», «пусть наши дети растут в обществе, культивирующем апокалиптический максимализм», «горе нам, если мы будем бессильны»⁹.

⁷ А. Мороз, прот., «Третья мировая война и царство антихриста», *Медиапортал ТВСПАС*, 09.08.2015 – (<https://www.youtube.com/watch?v=Q79uyrjBdl>).

⁸ Е. Холмогоров, «Религии последнего времени», *Политическое православие. Стратегический журнал*, с. 70.

⁹ И. Охлобыстин, «Доктрина-77. Полный текст + Видео», *Pravmir.Ru*.—2011.—13 сент. (<http://www.pravmir.ru/doktrina-77-ivana-oxlobystina-polnyj-tekst/>).

Интересно, что Охлобыстин вообще соотнес войну и молитву в храме как два наиболее высоких и предельно близких другу служения. По мысли священника-шоумена, предрасположенность именно к этим двум призваниям имеет русский народ, чем и объясняется его слабая вовлеченность в «мирские дела», в экономику, в производство тех или иных товаров и услуг¹⁰.

«ВОЕННЫЙ КАТЕХИЗИС»: ОТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАГМАТИКИ – К ИДЕЙНО-ЦЕЛЕВОМУ ОПРАВДАНИЮ ВОЙНЫ

Чтобы оценить, насколько системным и последовательным является милитаристский дискурс в сознании и культуре сегодняшней Русской православной церкви, посмотрим, какое отношение к войне предлагается в признанных священноначалием богословских документах.

В Основах социальной концепции РПЦ в разделе VIII «Война и мир» война как явление в целом осуждается: «Война есть зло. Причина его, как и зла в человеке вообще, — греховное злоупотребление богоданной свободой»¹¹. Однако оговаривается несколько ситуаций, войну допускающих, как вынужденную меру, участие в которой в случае ее освободительного характера, однако, расценивается как высшее жертвенное проявление любви.

Признавая войну злом, Церковь все же не воспрещает своим чадам участвовать в боевых действиях, если речь идет о защите ближних и восстановлении попранной справедливости. Тогда война считается хотя и нежелательным, но вынужденным средством. Православие во все времена относилось с глубочайшим почтением к воинам, которые ценой собственной жизни сохраняли жизнь и безопасность ближних. Многих воинов Святая Церковь причислила к лику святых, учитывая их христианские добродетели и относя к ним слова Христа: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин 15:13)¹².

Также приведены многочисленные примеры, иллюстрирующие одобрение церковью со стороны ее наиболее выдающихся представителей участия людей в освободительной войне:

Церковь Русская многожды благословляла народ на участие в освободительной войне. Так, в 1380 году преподобный Сергий, игумен и чудотворец Радонежский, благословил русское войско во главе со святым благоверным князем Димитрием Донским на битву с

¹⁰ И. Охлобыстин, “Доктрина-77. Полный текст + Видео”, <http://www.pravmir.ru/doktrina-77-ivana-oxlobystina-polnyj-tekst/>.

¹¹ *Основы социальной концепции...*

¹² Там же.

татаро-монгольскими завоевателями. В 1612 году святитель Гермоген, Патриарх Московский и всея Руси, благословил народное ополчение на борьбу с польскими интервентами. В 1813 году, во время войны с французскими захватчиками, святитель Московский Филарет говорил своей пастве: *«Уклоняясь от смерти за честь веры и за свободу Отечества, ты умрешь преступником или рабом; умри за веру и Отечество — ты примешь жизнь и венец на небе»* (выделено автором — Б.К.)¹³.

То есть участие в войне во время иностранного нашествия однозначно квалифицировано как подвиг, достойный награды «на небесах», а пацифизм, уклонение от военных действий — как преступление.

В Социальной концепции есть оговорка, что миссией Православной церкви во время войны являются попытки примирения враждующих сторон:

Противостоя таким греховным явлениям, Православная Церковь осуществляет миссию примирения между вовлеченными во вражду нациями и их представителями. Так, в ходе межэтнических конфликтов она не выступает на чьей-либо стороне, *за исключением случаев явной агрессии или несправедливости, проявляемой одной из сторон* (выделено автором — Б.К.)¹⁴.

Последний пассаж, однако, заставляет задуматься: а кто будет выносить суждение относительно того, явной ли является агрессия или нет? И это при том, что «ведение гражданской войны или агрессивной внешней войны» в другом месте той же концепции названо областью, в которой «священнослужители и канонические церковные структуры не могут оказывать помощь государству, сотрудничать с ним». Так все-таки может церковь выступать на чьей-либо стороне или нет, например, в гражданской войне, если эта сторона признана жертвой несправедливости?

Несколько иначе о войне говорится в не столь авторитетных, хотя также признанных священноначалием богословских текстах, как например, «Очерки христианской этики» прот. Владислава Свешникова. О признании этой книги свидетельствует использование ее в качестве главного учебника по нравственному богословию в ряде духовных российских школ, в частности, в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном институте.

Рассуждения прот. Владислава дают некоторые дополнительные по отношению к ОСК РПЦ предпосылки соглашательского отношения к войне. Аргументация использует метод «от противного». В разделе «миротворчество» Свешников хочет показать, что само по себе отсутствие войны — еще не безусловная цен-

¹³ Основы социальной концепции...

¹⁴ Там же.

ность, а миротворчество, понимаемое как простое недопущение или противодействие войне без решения глубинных причин, ценность упрощенная или даже мнимая. «Оно очень понятно и легко мотивируется и в смысле личных непосредственных готовностей к такого рода деятельности, что в частности находит свое понимание в тривиальном общественном мнении, что “худой мир лучше доброй ссоры”»¹⁵.

Но «кажущаяся простота этого явления», — отмечает протоиерей, — закрывает возможность разглядеть глубокие внутренние нравственные пласты и смыслы, довольствуясь некоторыми очевидными постижениями, не требующими конструктивного нравственного размышления». То есть миротворчество, продиктованное лишь обыденным желанием избежать конфликт, как явление обладает малой ценностью или более того, обманчивой ценностью, так как может способствовать усыплению нравственной совести. Кроме того, Свешников пренебрежительно отзывается о таком миротворчестве, связывая, его с эвдемонизмом, с примитивным стремлением к комфорту: «сами понятия о мире, во-первых, не превышают в таких случаях простых эвдемонистических¹⁶ представлений: в условиях мира жить легче и приятней, чем в условиях скандала любого уровня и качества»¹⁷. То есть Свешников не готов признать ценность мира, если она «рассматривается не сама по себе в его положительном нравственном содержании, а как отсутствие войны, скандала, и таким образом мир ощущается сам по себе бескачественно, лишь как условие качественного существования»¹⁸.

Таким образом мы видим, что, в отличие от «Основ социальной концепции», в богословские штудиях священников, признанных церковью, могут содержаться некоторые, хоть не очень явные, но попытки пересмотра традиционного в светском западно-европейском обществе взгляда на миротворчество. То есть признаваемая, например, Декларацией ООН безусловная ценность мира и необходимость противодействия войне, физическому насилию всеми допустимыми средствами вне каких-либо оговорок и условий, согласно оценке Свешникова, таковыми не являются. Он предлагает более сложный взгляд на проблему войны.

Упоминание об эвдемонизме, тезис о несостоятельности гедонистической мотивации в желании избежать войны, однако, для церковного православного сознания оказывается не случайным. По ходу церковно-общественных дискуссий о войнах или

¹⁵ Вл. Свешников, прот., *Очерки христианской этики*, М., 2000, с. 272-273.

¹⁶ Эвдемонизм — учение о стремлении к удовольствию как к главному стимулу нравственного делания.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

о совместимости огнестрельной деятельности с христианским мироощущением обнаружилось, что этот тезис может быть расширен уже до оправдания воинского дела с духовной точки зрения как имеющего самостоятельную ценность (*sic!*).

Так, например, в военно-патриотических клубах и православных образовательных школах с «военным уклоном» могут объяснять ценность обучения огнестрельным оружием «духовной пользой» — борьбой с потребительством, культом наживы и сребролюбием. Например, руководитель военно-патриотического клуба «Витязь», действующего при храме в честь Святых апостолов Петра и Павла в Полевском, Олег Глазырин так объясняет пользу знакомства со стрелковым оружием, которое демонстрируется ребятам во время занятий, посвященных изучению луков, арбалетов, винтовок, разборке автомата Калашникова. «После таких уроков ребята хотя бы задумываются, что на свете есть что-то кроме денег и культа потребления, — отмечает Олег Глазырин. — Если ребята видят, что не все на этом свете покупается, это уже большое дело»¹⁹.

Однако в российском православии встречается аргументация не только в защиту изучения воинского дела, но и войны как таковой — как некоего полезного явления, помогающего преодолеть пассивную инертность в обществе или свидетельствующего о пассионарности, наличии высоких идей у народа и устремленности к духовным ценностям (*sic!*). Например, в вышеупомянутом сборнике, концептуализирующим феномен политического православия, знаменательно рассуждение одного из его идеологов — Дмитрия Володихина в статье «Новый народ». Православный публицист задается вопросом о том, насколько старым или молодым может чувствовать сегодня русский народ, и предлагает такой критерий «молодости»:

Статься, медленно идти на дно, тянуть туда своих детей и внуков или почувствовать, что та дрянь, которая течет в сосудах, — не разбавленное дерьмо, а горячая кровь. Тогда те, кто не жаует смолоду быть стариком и не боится бетонных стенок, предложат ему новые знамена, новую судьбу, новую молодость. А значит, и новую войну. Ее главный мотив — восстановление русскости, реконструкция, а в большей степени — строительство русской цивилизации, сильной, жизнеспособной, самодостаточной»²⁰.

Кульминацией оправдательного подхода к войне на сегодняшний день явились, заявления прот. Всеволода Чаплина в 2015 году,

¹⁹ К. Кириллова, «Православный клуб выиграл грант на реконструкцию площадки для пейнтбола», *Pravmir.Ru*. 04.02.2011, (<http://www.pravmir.ru/s-krestom-i-v-kamuflyazhe/>).

²⁰ Д. Володихин, «Новый народ», *Политическое православие...*, с. 43.

которые он сделал, будучи еще председателем Синодального отдела по взаимоотношениям церкви и общества. В эфире «Эхо Москвы» он заявил о необходимости войны ради встряски и освобождения общества от потребительского и гедонистического плена.

Мир долгим не бывает, мир сейчас долгим, слава богу, не будет. Почему я говорю «слава богу» — общество, в котором слишком много сытой и спокойной, беспроблемной, комфортной жизни, это общество, оставленное Богом, это общество долго не живет²¹.

А несколькими месяцами позже он заявил о том, что война нужна, с одной стороны, как «очистительный огонь», с другой стороны, как жизненный «драйв», так как русские — это «народ воин»²².

ЦЕРКОВЬ КАК ОСОБЫЙ РОД ВОЙСК И АРМЕЙСКИЙ СОЦИОМОРФИЗМ

Еще один существенный пласт «богословия войны» в церковной субкультуре и церковно-общественном дискурсе являет образный язык, с помощью которого священники обращаются к своей пастве, к своим читателям или к обществу в целом через прессу. Часто применяемые ими образы создают впечатление, что церковь — своего рода «духовные войска», живущие по реальным военным законам и обладающие прежде всего бойцовскими или даже спецназовскими качествами. Здесь типична аргументация с помощью обращения к тем или иным милитаристским образам или к сюжетам из прошедших войн. Военно-силовые характеристики порой служат критерием оценки качеств, добродетелей священнослужителей или тех или иных общественно-политических деятелей.

Так, например, священник Александр Шумский, желая отметить достоинство патриарха Кирилла, отмечает, что он принадлежит к «категории православных бойцов»²³. Подобное качество Патриарха снова подчеркнули в связи с подготовкой совместного собора православных церквей в 2016 году, отметив, что «Патриарх провел блестящую спецоперацию по “обезвреживанию” Всеправославного Собора»²⁴. Желая покритиковать Солженицына,

²¹ “Соблюден ли в России баланс светского и религиозного? (Текст и Видео), *Эхо Москвы*, 17.06.2015 (<http://echo.msk.ru/programs/clinch/1567024-echo/>).

²² “Протоиерей Чаплин о войне”, *Youtube*. 22.11.2015, (<https://www.youtube.com/watch?v=VW9dZ6SAQMg>).

²³ А. Шумский, “Старцы и чуждопосетители”, (http://ruskline/news_rl/2013/11/21/starcy_i_chuzhdoposetiteli).

²⁴ “Всеправославный Собор 2016 года благодаря блестящей спецоперации Патриарха Кирилла превращается в рутинное мероприятие, не имеющее никакого

священник Александр Шумский также отмечает, что автор Архипелага ГУЛАГа никто иной, как «снайпер со сбившимся прицелом», промахивающийся все время мимо своей жертвы²⁵. Правда тот же Шумский рассматривает мир еще в терминах «идеологии зоны», отмечая, что Генри Киссенджер «был поставлен, говоря языком лагерной зоны, смотрящим по России, как раньше он был смотрящим по СССР»²⁶. Не менее красноречива современная самоидентификация священства со стороны священника Константина Камышанова, который говорит, что «мы (священники – Б.К.) видны в звездный прицел, как небесный ОМОН»²⁷.

Конечно, дополнительными милитаристскими образами церковный язык пополняется благодаря деятельности апологетов «политического православия». В особенности, всплеск образных милитаристских высказываний пришелся на 2014–2015 гг., во время повышения градуса агрессии и милитаризма в обществе. Во время противостояний украинского майдана и власти Януковича председатель Ассоциации православных экспертов Кирилл Фролов, активно участвующий в распространении политического православия в Украине через украинское отделение Союза православных граждан²⁸, выразил надежду на то, что монахи Почаевской Лавры выступают в качестве воинов-защитников, применив силу: «Лавру майдановцы не возьмут, потому что там монахи, а монахи умрут за веру, монахи “порвут за веру”». Сегодня этот деятель в духе откровенного «богословия войны» предлагает такое выражение, как «экклесиология действующей армии» – только такая позиция, по его словам, может быть «единственно верной» в деле борьбы за веру²⁹.

апокалиптического подтекста», *Благодатный огонь*, 29.01.2016, (<http://www.blagogon.ru/news/408/>).

²⁵ А. Шумский, «Снайпер со сбившимся прицелом», *Русская народная линия*, 02.04.2012, (http://ruskline.ru/news_rl/2012/04/02/snaiper_so_sбившимся_price-лом).

²⁶ А. Шумский, «Вечный Генри», *Русская народная линия*, (http://ruskline.ru/news_rl/2013/11/07/vechnyi_genri).

²⁷ К. Камышанов, «Новый год как праздник надежды», *Pravmir.Ru*, 29.12.2013, (<http://www.pravmir.ru/nebesnaya-aryam>).

²⁸ Союз православных граждан – возникло общественно-политическое объединение национал-православной ориентации, сформированное в 1997 году ради лоббирования национально-консервативных православно-ориентированных законов, заявившая своей задачей «быть деятельным помощником всем носителям православного мировоззрения, участвующим в политике, осуществляющим государственную власть». См. о Союзе православных граждан: В. Прибыловский, «Союз православных граждан (СПГ)» (http://www.anticompromat.org/s_pg/spr_spg.html).

²⁹ К. Фролов, «Экклесиология наступающей армии» (<http://kirillfrolov.livejournal.com/2943852.html>).

Освящение оружия.

Фото Reuters/Vasily Fedorenko/Scanpix. <http://ulix.ru/index.php?newsid=13351> и <http://www.webpark.ru/comment/osvyashchenie-orugiya-v-belorussii>

Отдельного разговора заслуживает метод обращения к образам Великой отечественной войны в современной православной российской гомилетике, когда священники предлагают разные образы из ВОВ для восприятия через призму этой битвы сегодняшних событий. Порой создается ощущение, что именно реальность, сопровождавшая Вторую мировую войну, рассматривается, в том числе, и в церковной среде, как что-то, более всего подходящее для совершенствования духовного самосознания человека. Так, диакон Владимира Василик, призывая православных верующих противостоять новой украинской власти и не бояться бороться за Новороссию, предложил осознать ситуацию метафорически, как имеющую «священное», «небесное» измерение, подтверждая правоту Юргенсмейера в отношении природы религиозных войн³⁰. Он уподобляет войну против новой украинской власти Великой отечественной войне, показывая, что война не должна иметь в качестве предельной цели лишь Новороссию, а должна иметь свой условный «Берлин» как символ оплота чуждых сил, которые нужно победить при помощи Христа. Он писал:

взяв Харьков, мы должны идти на Киев, от Киева — на Львов, от Львова — на Варшаву, от Варшавы — на Берлин. Но наш штурм Берлина в конечном счете осуществится во втором Пришествии Христовом,

³⁰ M. Juergensmeyer, *Sacrifice and Cosmic War...* См. также

где победителем является Сам Христос. А наше дело – держать те высоты, которые Он назначил нам. Но держать упорно, до конца»³¹.

Учитывая вышесказанное, не трудно понять, почему церковь с легкостью поддерживает разного рода военные действия, а в православии налицо тяга к специфической милитаризованной духовности, выражающаяся в итоге в формировании своеобразного «богословия войны». Однако помимо поддержки «военного сознания» на богословском, гомилетическом и идейно-мировоззренческом уровне, церковь как социальный институт, если не полностью, то в достаточно большой степени обнаруживает структурно-стилистическое сходство с армией. То есть армейская подоплека обнаруживается у церкви и с точки зрения социоморфизма.

Это кстати признают и священники. Например, прот. Георгий Крылов, говоря о проблемах корпоративной культуры в церкви, отмечает, что самым близким для церкви примером корпоративности является армия, а принципом организации, близким церковному «является то, что мы обычно называем термином “армейская дисциплина”»³². При этом священник с горечью отмечает, что из практики типа «армейской дисциплины» вытекают многие обычные для армии принципы формирования корпорации, которые можно обнаружить в церкви, как бы далеки они ни были от евангельского духа (деспотизм начальника в отношении подчиненного, система наказания и вообще принципы организации системы “начальник–подчиненный”).

В ОСК РПЦ упомянуто несколько областей и направлений деятельности, в которых церковные и канонические структуры не могут оказывать помощь государству, сотрудничать с ним. Кроме упомянутого нами «ведения гражданской войны или ведения внешней войны», для церкви невозможно непосредственное участие в той или иной военной деятельности, требующей в соответствии с государственным законом сохранения неприкосновенности священников³³. Тем не менее, мы знаем, что для священников-капелланов через Синодальный отдел РПЦ по связям с вооруженными силами и правоохранительными органами организовывались учения, своего рода «военные сборы», где их обучали не только тому, как общаться с военными, но и как держать в руках оружие и стрелять из него. Организовывавший эти сборы священник Михаил Васильев из Рязанской епархии настаивал на том, что полковой

³¹ В. Василик, диакон, *Русская народная линия*, (http://ruskline.ru/monitoring_smi/2014/03/10/torzhestvo_pravoslaviya/).

³² Г. Крылов, прот., “О корпоративности в церкви (взгляд с позиции приходского священника)”, *Bogoslov.Ru*. 10.05.2011. (<http://www.bogoslov.ru/text/1667366.html>, доступ: 23.01.2016).

³³ “Основы социальной концепции”....

«Как в Кемерове священников стрелять учили»

Фото Максима Киселева, *Комсомольская правда*.

<http://www.kp.by/photo/6738/300206/>

священник, также, как и кадровые офицеры, должен овладеть и военной выправкой, и многими навыками, присущими военным: уметь стрелять, желательно — прыгать с парашюта³⁴. И вообще военному духовенству стоит показывать некую близость в плане владения навыками военной службы, социокультурное сходство с окормляемыми им военными³⁵.

Отнюдь не все полковые священники готовы принять подобную точку зрения. В интервью с одним из священников Ижевской епархии автору этих строк довелось услышать противоположную точку зрения о том, что, напротив, «для того, чтобы духовно окормлять военных, священник должен от них отличаться»³⁶. По словам священника, дававшего интервью, такое отличие необходимо для того, чтобы быть способным умиротворять, помогать снимать груз того диссонанса, который может возникать у военных, например, от соприкосновения со смертоносным оружием

³⁴ М. Васильев, прот., «Не для хождения на совещания мы идем в воинские коллективы», *Русская народная линия*, 22.06.2012, (http://ruskline.ru/news_rl/2012/06/22/protoerej_mihail_vasilev_ne_dlya_hozhdeniya_na_sovewaniya_my_idem_v_voinskie_kollektivy/).

³⁵ «Из интервью с участником ‘военных сборов’», Ижевск, 05.08.2015. Личный архив автора.

³⁶ «Из интервью с участником ‘военных сборов’»...

в процессе службы в армии. То есть священник не должен превращаться в «одного из офицеров». Однако большее развитие получила другая стратегия. Священник в некоторых частях оказывается в качестве особого разряда кадрового военного, который должен прослужить в армии не менее 5 лет, становиться в строй, получать зарплату из военного бюджета и т.п.³⁷

Такое проявление военного социоморфизма в жизни церкви, однако, не становится предметом горячих обсуждений, дискуссий, возражений. Это можно объяснить тем, что сегодня церковное руководство склоняется к тому, чтобы церковь в плане дисциплины, регулярности, упорядоченности и по многим другим параметрам уподоблялась или являла некую когерентность с армией. Для примера приведем эпизод встречи патриарха в одной из епархий, когда священники и кадровые военные вместе выстроились в особый почетный караул для встречи патриарха. Более детально комментировать излишне, все говорит само за себя.

«БОГОСЛОВИЕ ВОЙНЫ» НА ЮГО-ВОСТОКЕ УКРАИНЫ

Актуализацию «богословия войны» и милитаристских интенций в церковной среде ошутимо показали трагические события на Юго-Востоке Украины в 2014 году, когда в Киеве произошла смена власти в пользу прозападно-настроенной группы. Имперские принципы, свойственные большинству церковных акторов, в особенности тех, которые политически активны, побудили часть церковных групп выплеснуть наружу свои милитаристские интенции и активировать «военную карту». Конечно, настроения в церковной среде сказались разные, трудно сказать, в какой пропорции оказалась представлена церковная «партия войны» по отношению к общему числу вовлеченных в церковную жизнь православных верующих, но, во всяком случае, она активно проявила свою политическую позицию, причем в гораздо более радикальном варианте, чем это делали власти, и чем транслировали по российскому ТВ.

Трудно было не заметить поддержки со стороны православной имперско-патриотической среды действий ополченцев, также выступавшей за всемерное включение России в конфликт, за ввод российских войск и военное решение конфликта. То есть многие церковные ревнители войны в тот момент проявили себя зачастую гораздо более радикально, чем светские патриотически настроенные политики, поддержавшие включение Крыма в состав

³⁷ М. Васильев, прот., «Не для хождения на совещания мы идем в воинские коллективы»...

Российской Федерации. Сразу после политического переворота в Киеве часть православных активистов стали активно распространять у себя в социальных сетях петиции к президенту РФ с просьбой начать процесс присоединения к Российской Федерации Юго-Восточных районов Украины.

Приведем для наглядности текст одной из таких петиций:

Уважаемый Владимир Владимирович!

Мы ниже подписавшиеся просим Вас признать независимость юго-восточных областей Украины (Запорожскую, Николаевскую, Одесскую, Херсонскую, Днепропетровскую, Харьковскую, Донецкую и Луганскую области) и Автономную республику Крым независимыми и начать процесс по присоединению их к Российской Федерации, так как четко понимаем, что дальнейшее мирное существование этих регионов в составе Украины невозможно!!!³⁸

Заметим, что того восстания народа на большинстве указанных в петиции областей Украины, которое предрекали «церковные ястребы», не произошло, соответственно и российская власть, и ополченцы оказались в определенном смысле обмануты. Представление авторов и подписантов петиции сильно отличалось от реальности.

В процессе развития боевых действий в Донецкой и Луганской областях налицо оказалась апелляция именно к православию как к религиозному обоснованию этих процессов больше, чем к какой-либо другой религии. Ополченцы, пусть и не полностью, стали осознавать себя воюющими под знаменем православия. Среди обобщающих самоназваний их отрядов оказалось такое как «Русская православная армия» (с разными контекстуальными сочетаниями: «православная армия Новороссии», «православная армия Донецка», «православная армия Юго-Востока Украины»). Появились и соответствующие песни, например, гимн ДНР «Русская православная», где поется:

Кто с тобой до конца, до победно-славного
Своих не бросим! Русская Православная!
До каждого бойца до конца, победно-славного
На поле боя. Русская Православная!

³⁸ Признать независимость юго-восточных регионов Украины начать процесс по присоединению их к Российской Федерации. Петиция к Президенту РФ В.В. Путину. Петицию опубликовал, в частности, член партии «Родина» Виктор Аксючиц, (https://www.facebook.com/aksyu1/posts/610510125692941?comment_id=4874812&offset=0&total_comments=8), Accessed 25. February 2014.

В качестве почитаемой святыни-покровительницы выступил список Тихвинской иконы Божией Матери из Тихвинского монастыря Ленинградской области, икона получила наименование «Ополченной»³⁹. Кстати, принесение этой иконы в Донецк для почитания было чисто народной инициативой, вопреки воле местного донецкого архиерея — митрополита Донецкого и Мариупольского Илариона (Шукало), который не благословил духовенство встречать эту икону и распорядился не вносить ее в местный Свято-Преображенский кафедральный собор.

Появились и более конкретизирующие тенденцию наименования — например, «Батальон Пресвятой Богородицы Августовской» им. Александра Невского (сокращенно «Август») во главе в командиром Александром Костиным, который озвучил свою миссию как «войну за Русь Святую»⁴⁰. Нужно сказать, что концепт «Святая Русь» стал обрастать политически обусловленными смыслами, идея «Святой Руси» достаточно быстро встроилась в военно-политический контекст новейшей истории Новороссии. Война за Новороссию осознается как война за «Святую Русь».

Причастность этой идеологии в России, например, выказывает Свято-Михайло-Афонская Закубанская Пустынь, а также Боголюбовский монастырь во Владимирской области во главе с его духовником архимандритом Петром (Кучером), в котором, судя по всему, есть большая идейная поддержка именно военным методам решения конфликта (в противовес международно-правовым и политико-дипломатическим)⁴¹. Советник Игоря Гиркина-Стрелкова Игорь Друзь и идейный апологет Новороссии Маргарита Зайдлер духовно окормляются у архимандрита Петра (Кучера). А по словам самого И.И. Гиркина-Стрелкова, прихожанина московского храма Димитрия Солунского на Благуже, есть даже некоторые послушники из Святогорской лавры в г. Светлогорске Донецкой области, которые участвовали непосредственно в боевых действиях ополчения⁴². Среди российских священников

³⁹ В собор Донецка не пустили ополченцев со старинной иконой, принесенной из России (<http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=56599>).

⁴⁰ “Мы воюем за Святую Русь. Единой Украины не будет. Ее толком и не было никогда. Есть Святая Русь. Все пошло от Святой Руси. Две мировых войны нас пытались разьединить и уничтожить, сейчас идет третья. Но наш народ всегда объединялся и побеждал”. См.: А. Костин, “Мы воюем за Святую Русь...”, *Русская народная линия*, 06.11.2014, (http://ruskline.ru/analitika/2014/11/07/my_vouuem_zh_svyatuyu_rus/).

⁴¹ К. Фролов, “Тема Новороссии-фактор консолидации православных патриотов”, *Живой журнал Кирилла Фролова*, (<http://kirillfrolov.livejournal.com/3381655.html>).

⁴² “Человеку нельзя жить без веры” — Игорь Стрелков рассказал ‘Русской весне’ о своих религиозных убеждениях”, *Русская весна*, 17.12.2014, (<http://rusvesna.su/news/1418820639>). “Православие естественно поддерживает меня в той деятельности, которую я осуществляю. Потому что просто воевать, война ради войны

наиболее явно за военные действия еще в начале марта 2014 высказался настоятель Спасо-Преображенского Пронского мужского монастыря в пос. Пронск Рязанской области игумен Лука (Степанов), который квалифицировал смену власти в Киеве как перспективу «осквернения православных земель», которая, по его мнению, непременно произойдет, «если мы будем вести себя пассивно в сложившейся ситуации на Украине»⁴³. Слова игумена Луки про нашествие иноверцев прозвучали фактически в пандан словам о.Всеволода Чаплина, который «нашествием иноверцев» аргументировал несколько лет назад в пользу применения ядерного оружия⁴⁴. Насчет такого развития событий игумен Лука ничего не сказал, но заявил, что «нет выбора там, где идет порабощение территорий, исконно облагодатствованных Православной Церковью, и это стало явью, так что возможно не мирное, но военное сопротивление этому злу»⁴⁵.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги сделанных рассуждений и приведенных примеров, можно заключить следующее. В церковной среде активно формируется целая традиция оправдания войны, то есть своего рода «богословие войны» с определенной системой аксиом, приоритетов, умозаключений и эстетически окрашенных формул. Налицо тренд на стилистическое и социоморфное уподобление армии, направленное на импликацию церкви в качестве своеобразного «спецподразделения» или рода войск. Кроме того, наблюдается некоторое сближение на уровне неформальных связей (за некоторыми родами войск, воинскими частями есть даже специально закрепленные известные священники-духовники).

События двух последних лет показали, что милитаристский дискурс и военные интенции церковной среды могут иметь воплощение в виде реальных военных действий, которые получают

для меня было бы не приемлемо. И естественно перед всеми своими боевыми действиями, перед участием во всех войнах я всегда спрашиваю благословение у своего духовника. Для меня было важно понимать, что я сражаюсь за правое дело, и в том числе за православие», (<http://rusvesna.su/news/1418820639>).

⁴³ Лука (Степанов), иг., «Это не борьба за земли, а это борьба за Православие», *Русская народная линия*, (http://ruskline.ru/news_rl/2014/03/10/eto_ne_borba_zazemli_a_eto_borba_zapravoslavie/).

⁴⁴ Вс. Чаплин, прот., « Исток конфликта — не в ядерном оружии, но в грехе властолюбия », *Religare.Ru*. 08.02.2007, (http://www.religare.ru/2_38058.html).

⁴⁵ Лука (Степанов), иг., «Это не борьба за земли, а это борьба за Православие», *Русская народная линия*, (http://ruskline.ru/news_rl/2014/03/10/eto_ne_borba_zazemli_a_eto_borba_zapravoslavie/).

своего рода сакральную легитимацию. По сути в Донбассе произошло соединение военного и церковного в одних и тех же образах («Русская православная армия», Икона «Ополченая», батальон Икона Божьей Матери Августовской). Остается констатировать, что мы имеем дело с феноменом некоей сакрализованной милитаристской духовности, присущей в пост-советскому российскому православию. Сами артефакты войны: артиллерийские отряды, батальоны и собственно армия обнаруживают сегодня предпосылки к сакрализации. Вероятно, можно говорить о том, что эпоха религиозных войн возвращается или о том, что религиозные войны, связанные с христианством, никуда не исчезали.

Здесь также можно видеть правоту Юргенсмайера касательно его рассуждений о феномене «священной», «космической войны», проекцией которой оказываются войны на земле. Причем «священный» статус войны настолько усиливает градус конфликта, что возможность его разрешения и примирения, если оставаться в религиозной плоскости, становится почти недостижимой, так как религиозное измерение может перекрывать прагматические соображения. Как правильно замечает современный исследователь проблемы религии и насилия А.И. Зыгмонт, религиозное насилие не воспринимается как насилие в глазах носителей соответствующей религии, так как служит победе над «профанным насилием», «благим разделением сакрального и профанного в противоположность их неблагому смещению»⁴⁶. Собственно, сакрализация войны приводит к той интерпретации «политического», о которой писал Карл Шмитт, говоря о том, что феномен «политического» предполагает предельное размежевание между группой «своих» и «чужих».

Наконец, являемое сегодня «богословие войны» показывает правоту Хантингтона с его концепцией «конфликта цивилизаций». Именно глобальному цивилизационному конфликту способствует включение геополитики в катехизис «политического православия», придание военно-политическим нестроениям ореола апокалиптического противостояния между «Катехоном», «Святой Русью» и темными силами «евроатлантистов». Мы видим рождение «богословия войны» не только на теоретическом уровне, но в реальной действительности, в сцеплении судеб общественных групп, наций и государств.

⁴⁶ А.И. Зыгмонт, «Проблематика насилия в Русской православной церкви в пост-советский период», *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, 2014, № 3, с. 125.

Иннокентий Павлов

Кандидат богословия, специалист по Новому Завету и истории церкви, преподаватель ББИ, священник.

Юрген Мольтман

(Jürgen Moltmann)

Выдающийся немецкий протестантский богослов, один из теоретиков богословия надежды, профессор систематического богословия в Тюбингенском университете (1967–1994), попечитель ББИ.

Рене Жирар

(René Girard, 1923–2015)

Французский философ, культуролог, литературовед. Известен разработкой концепции «фундаментальной антропологии», в русле которой получает свое развитие проблематика жертвоприношения, миметического насилия, рассматриваемого в качестве акта, лежащего в основе культуры и социума.

Наталья Бонечкая

Свободный исследователь-гуманитарий, историк русской философии XX века, переводчик, культуролог. Работает на стыке филологии, философии, богословия. В настоящее время постоянный автор журнала «Вопросы философии».

Борис Кнорре

Доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Приоритетная

область интересов — социология и психология религии, социальная антропология, церковно-государственные отношения. Участвовал в проекте Кестонского института «Энциклопедия современной религиозной жизни России», автор многих публикаций.

Ирина Языкова

Искусствовед, кандидат культурологии, проректор ББИ, преподаватель Коломенской духовной семинарии. Автор ряда монографий и многих статей по богословию иконы и христианской культуры.

Эдвард Кесслер

(Edward Kessler)

Со-основатель и руководитель Института авраамических религий (Кембридж), один из наиболее видных деятелей современного межрелигиозного диалога, особенно между иудаизмом, христианством и исламом; член совета Колледжа св. Эдмунда в Кембридже.

Катя Толстая

Директор Института академического изучения восточного христианства, ассистент-профессор кафедры догматики и экуменизма (*INaSEC*, Свободный университет, Амстердам).

Франк Бестебрёуртье

(Frank Bestebreurtje)

Старший научный сотрудник *INaSEC* в Свободном университете в Амстердаме.